

Рец. на кн.: MAT T TOMLINSON, JULIAN MILLIE (eds.).
THE MONOLOGIC IMAGINATION.
Oxford: Oxford University Press, 2017. X+272 p.

Ekaterina Alexandrovna Khonineva
Институт лингвистических исследований РАН
9 Тучков пер., Санкт-Петербург, Россия
ekhonineva@eu.spb.ru

Аннотация: Под влиянием идей М.М. Бахтина в западной антропологии последних десятилетий исследователи сфокусировали внимание на полифонии и диалогических основаниях социальной жизни, что привело к пренебрежению монологическими речевыми формами и практиками. Тем временем в некоторых политических и религиозных культурах монологическим жанрам приписывается определенная ценность, и авторы рецензируемого сборника статей предлагают это обстоятельство не игнорировать. В исследованиях, представленных в книге, на материалах наблюдений в различных этнографических контекстах монолог рассматривается как специфическая языковая идеология, категория социального воображения, речевой жанр и метафора. Сборник также призван в очередной раз напомнить о диалогическом измерении монологических практик и соотнести их с другими актуальными антропологическими концептами и теориями. Этот проект стоит признать успешным и уникальным по своему замыслу. Однако, судя по всему, авторы книги едва ли напрямую следуют аналитической программе Бахтина, скорее, они находят вдохновение в предложенном им языке описания и пробуют порассуждать о привычных для антрополога проблемах социального контроля, сопротивления, групповой солидаризации, организации общностей в новых терминах.

Ключевые слова: монолог, диалогическое воображение, М.М. Бахтин, языковые идеологии, религиозная и политическая власть.

Для ссылок: Хонинева Е. Рец. на кн.: Matt Tomlinson, Julian Millie (eds.). *The Monologic Imagination*. Oxford: Oxford University Press, 2017. X+272 p. // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 216–228.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-216-228

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/khonineva.pdf>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ, 2020, NO. 47

A Review of MAT T TOMLINSON, JULIAN MILLIE (eds.),
THE MONOLOGIC IMAGINATION.
Oxford: Oxford University Press, 2017, X+272 pp.

Ekaterina Khonineva
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
ekhonineva@eu.spb.ru

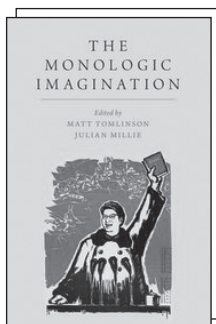
Abstract: Due to the influence of Mikhail Bakhtin on the Western anthropology of the last decades, researchers focused their attention on polyphony and the dialogic bases of social life that resulted in a neglect of monologic speech forms and practices. Meanwhile, in many political and religious cultures, monologic genres attribute to some value; the authors of the reviewed collection of articles suggest not to ignore this fact. In the outlined studies based on observations in various ethnographic contexts, the monologue is seen as a special language ideology, a category of social imagination, a speech genre, and a metaphor. The book also aims to recall, once again, the dialogic dimension of monologic practices and connect them to other relevant anthropological concepts and theories. This project should be recognized as successful and unique in its design, but it seems that the authors are inspired by Bakhtin's language and see in it a significant opportunity to reflect on the usual anthropological problems of social control, resistance, community formations in new terms rather than continuing Bakhtin's work and fitting into his analytical program.

Keywords: monologue, dialogic imagination, Mikhail Bakhtin, language ideologies, religious and political power.

To cite: Khonineva E., 'A Review of Matt Tomlinson, Julian Millie (eds.), *The Monologic Imagination*. Oxford: Oxford University Press, 2017. X+272 pp.', *Anthropologicheskij forum*, 2020, no. 47, pp. 216–228.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-216-228

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/khonineva.pdf>

Рец. на кн.: **Matt Tomlinson, Julian Millie (eds.).**
The Monologic Imagination. Oxford: Oxford University
 Press, 2017. X+272 p.

Под влиянием идей М.М. Бахтина в западной антропологии последних десятилетий исследователи сфокусировали внимание на полифонии и диалогических основаниях социальной жизни, что привело к пренебрежению монологическими речевыми формами и практиками. Тем временем в некоторых политических и религиозных культурах монологическим жанрам приписывается определенная ценность, и авторы рецензируемого сборника статей предлагают это обстоятельство не игнорировать. В исследованиях, представленных в книге, на материалах наблюдений в различных этнографических контекстах монолог рассматривается как специфическая языковая идеология, категория социального воображения, речевой жанр и метафора. Сборник также призван в очередной раз напомнить о диалогическом измерении монологических практик и соотнести их с другими актуальными антропологическими концептами и теориями. Этот проект стоит признать успешным и уникальным по своему замыслу. Однако, судя по всему, авторы книги едва ли напрямую следуют аналитической программе Бахтина, скорее, они находят вдохновение в предложенном им языке описания и пробуют порассуждать о привычных для антрополога проблемах социального контроля, сопротивления, групповой солидаризации, организации общностей в новых терминах.

Ключевые слова: монолог, диалогическое воображение, М.М. Бахтин, языковые идеологии, религиозная и политическая власть.

Диалог реален; монолог — нет.
 [Holquist 2002: 57]

Теория диалогического М.М. Бахтина оказала значительное влияние на западные гуманитарные исследования. В антропологии это влияние затронуло не только способы постановки проблемы (например, в связи с такими темами, как интертекстуальность и интердискурсивность [Hanks 1989; Bauman, Briggs 1990; Silverstein, Urban 1996], диалогический характер нарративов [Mannheim, Van Vleet 1998], и многими другими), но даже эпистемологические основания дисциплины, пересмотр которых нашел выражение в целой программе по диалогической антропологии [Mannheim, Tedlock 1995]. У такого влияния обнаружилась и обратная сторона. Следуя логике М.М. Бахтина, в настойчивых поисках диалогических оснований социальной жизни антропологи совсем позабыли о монологе как об аналитической категории

Екатерина Александровна Хонинева
 Институт лингвистических
 исследований РАН,
 Санкт-Петербург, Россия
 ekhonineva@eu.spb.ru

и специфической форме речевых жанров, зарезервировав за ним статус нежелательного антагониста диалога, которым стоит пренебречь. Нужно признать, такая исследовательская стратегия заметно упростила реальное положение дел, и рецензируемый сборник возвращает этой картине многослойность.

Название книги — «Монологическое воображение»¹ — представляет собой очевидную аллюзию на подборку переводных эссе М.М. Бахтина, вышедшую в 1981 г. под редакцией Майкла Холкуиста [Bakhtin 1981]. В антропологии начала 1980-х гг. метафора «воображения» еще не пользовалась такой популярностью, как в последнее время [Sneath et al. 2009], хотя и позволила когда-то вписать эту книгу в общий поток конструктивистских деэссенциализирующих исследований². В перспективе диалогизма, описанной Бахтиным, мнимая монолитность единичного высказывания (реплики, текста, рассказанной истории) на поверку оказывается сложной комбинацией реакций в воображаемых диалогах, т.е. воображение здесь понимается скорее буквально. В сборнике статей, опубликованном тридцать шесть лет спустя, «воображение» семантически ближе к понятию *social imaginary*, предложенному философом Чарльзом Тейлором [Taylor 2004], или даже к тем смыслам, которыми этот термин наполнился в процессе трансформации в устойчивый элемент антропологического жаргона. Пожалуй, наиболее корректным будет определение монологического воображения как особого типа языковой идеологии, и именно так его характеризуют редакторы книги Мэтт Томлинсон и Джулиан Милли — исследователи, работающие на стыке лингвистической антропологии и антропологии религии. И хотя ни один из авторов не обращается к данной концепции напрямую, все статьи сборника именно об этом — о способе воображения языка, текстов, речевых практик как посредников, служащих выражению лишь одного, авторитетного, голоса, будь то воля Бога или политического лидера, голос нации (ср. “we the people”) или харизматического пророка.

Структура сборника выстроена диалогически: для каждой из трех частей книги выбран дискуссант, а книгу целиком — как статьи, так и дискуссии — подытоживает заключительная реп-

¹ Публикации «Монологического воображения» предшествовали одноименные академические мероприятия — секция в рамках ежегодной встречи Американской антропологической ассоциации в Чикаго в 2013 г. (дискуссантом секции выступил корифей лингвистической антропологии и фольклористики Ричард Бауман), а также воркшоп в Университете Монаша (Мельбурн, Австралия), состоявшийся в августе 2014 г. Книга издана в совсем еще молодой серии “Oxford Studies in the Anthropology of Language” (первая публикация под этой маркой вышла в 2015 г.).

² Замечу, что англоязычный сборник эссе Бахтина вышел на два года раньше «Воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсена, которому зачастую приписывается знаковая роль в широком распространении метафоры воображения в антропологическом дискурсе; см.: [Axel 2003].

лика редакторов. Бесспорно, любой академический текст диалогичен, однако зачастую жанровые конвенции покрывают исследовательские реплики монологической завесой. Составители рецензируемой монографии придерживаются принятой в некоторых (но, увы, не во многих) антропологических журналах стратегии “author meets the critics”, которая, на мой взгляд, и честная, и удачная, и могла бы стать более популярной. Такой стиль организации сборника о диалогических основаниях монолога хочется отметить как одно из его достоинств. Это действительно делает книгу полемичной, создает условия для полноценного диалога.

И все же, что дает современным антропологам обращение (или возвращение?) к монологу как предмету анализа? Столь ли патологична эта «социальная патология», если воспользоваться едким выражением Романа Якобсона [Jakobson 1953: 13; цит. по: Mannheim, Tedlock 1995]? Монолог — это грубое подчинение различных мнений одному или же разумное противодействие полифоническому хаосу? Вопреки возможному впечатлению от заглавия книги авторы не только не спорят с основными положениями теории Бахтина, но и целиком на них полагаются. Никто не сомневается, что по сути никаких монологов и не существует, однако это не означает, что в некоторых социальных контекстах люди не пытаются выступать в рамках монологического жанра или не преуспевают в нем. То, каким образом, несмотря на диалогическую базу, оформляются монологи на перформативном и идеологическом уровнях, и составляет главную интригу сборника. Конструирование монолога предполагает определенные коммуникативные усилия как по «стиранию» (*erasure*) различных голосов [Irvine, Gal 2000], так и по созданию условий для единодушного согласия аудитории монологического перформанса или даже для убедительного представления ее интересов. Но как бы то ни было, стратегии монологизма суть один из способов быть в диалоге, пусть и несколько своеобразный. «Это диалогический процесс, в котором множество голосов намеренно приглушается», — справедливо отмечает во введении Мэтт Томлинсон (Р. 5) и приглашает наблюдать, как это работает и кому это нужно.

Монолог — это всегда и симптом, и улика, указывающие на локализацию харизмы. Неудивительно, что для изучения монологических жанров, речевых форм и тактик наиболее удобными оказываются религиозные и политические контексты, где вопросы авторитета по обыкновению ставятся особенно остро и, в свою очередь, могут высветить марксистские элементы в теории Бахтина и во вдохновленных ею аналитических изысканиях. Даже в эксплицитно «демократических» культурах, таких как, к примеру, харизматическое христианство, монологические

и диалогические тенденции оказываются не столько взаимоисключающими, сколько взаимообусловленными. Мы можем убедиться в этом на примере южнокалифорнийской харизматической церкви Vineyard, рассмотренном в статье антрополога религии Джона Бялецки. Мы видим, как власть в нужный для себя момент может маскироваться и представляться как открытая к диалогу или, наоборот, не предоставлять возможности для ответа. С одной стороны, в подобных культурах вопрос ставится ребром: либо человек «принимает Христа в свое сердце», либо нет, и полутонув здесь не может быть. С другой стороны, если выбран первый вариант, ситуация обретает эгалитарные характеристики: любому предоставляется доступ к социально значимым практикам и привилегиям. В описанном Бялецки случае каждый христианин получает возможность непосредственного духовного переживания, в частности дар пророчества.

Схожие процессы риторической манипуляции концептами монолога и диалога, а также их интерференции на уровне практик обнаруживают в своих полях и другие авторы сборника: это и политика формирования национального самосознания на Кубе через образы героев революции как «голосов нации» (Кристина Виртц), и унитарные языки иранских политических элит и этнических меньшинств в Иране и Калифорнии (Джеймс Барри). При этом, расширяя наблюдение Джейн Гудман над добровольными гражданскими объединениями в колониальном Алжире, можно утверждать, что не всегда замалчивание или стирание конфликтующих голосов представляет собой процесс, инициированный «сверху», равно как и не всегда в демократию имплицирована полифония. Замечу, что в приведенных исследованиях «диалог» и «монолог» выступают скорее не как аналитические инструменты для работы с социальной тканью, а как метафоры — монолога для авторитарных практик и диалога / полифонии для низовых (хотя, как мы видим из тех же статей, в этнографической реальности все не столь однозначно).

Некоторые авторы выступили в формате, более близком к оригинальной бахтинской программе. Я имею в виду анализ устройства конвенциональных речевых высказываний. В сборнике нашлось место и для традиционного сюжета — образцового, с точки зрения Бахтина, монологического жанра эпоса, рассмотренного Аланом Рамси на примерах песенных эпических сказаний (*epic-like sung narratives*) в Папуа — Новой Гвинее. Антрополог уточняет рассуждения Бахтина об эпических жанрах, опираясь на этнографические наблюдения: на перформативном уровне формально монологические тексты могут быть адаптированы под исполнителя и аудиторию, отсылать к различным голосам, в то время как диалогические на первый взгляд шаблоны исполнения зачастую выражают единственную истину

(чаще всего трансцендентного характера) и не поощряют индивидуальных интерпретаций и импровизации.

Другой общепризнанный монологический жанр — теологические и катехетические утверждения. Как кажется, такие утверждения должны быть предельно ригидны, прозрачны и бескомпромиссны, но именно эти их качества, по мнению Филипа Фонтэна, являются результатом диалогической конкуренции в области альтернативных объяснительных схем. Фонтэн обращается к относительно недавней инициативе Меннонитского центрального комитета по формированию официального документа, содержащего список символов веры. Конечные формулировки разработанного документа оказались довольно расплывчатыми. Одна из дискуссионных сборников, антрополог Кортни Хэндман, видит в этом случае параллели с предметом ее собственного исследования — христианской некоммерческой организацией SIL International, специализирующейся на переводах Библии на языки коренных народов. История деятельности SIL International, подобно меннонитской инициативе, демонстрирует показательную либеральную позицию, осторожность действий и мягкость заявлений [Handman 2015: 64–89]. В обоих сюжетах, судя по всему, отказ от канонически монологической (т.е. не предполагающей иных вариантов, кроме постулируемого) риторики основывается на присутствии этим христианским движениям антиинституционализме, демонстрации убеждения о непосредственном характере взаимоотношений людей с Богом, не требующем, таким образом, авторитарной медиации.

Обратная ситуация представлена в статье о метакультуре исламской проповеди на Западной Яве, подготовленной редактором сборника Джулианом Милли. Здесь как раз на уровне декларации (например, в специализированных руководствах или массмедиа) проповедь выглядит весьма традиционно, очень прилично и недвусмысленно, она изобилует ссылками на Коран и хадисы и имеет четкую неизменяемую структуру. На практике же, как водится, выступления исламских проповедников выглядят куда веселее. «Проповедь — это благочестивый речевой жанр, полный нечестивых высказываний», — такой комментарий дает автор статьи в заметках о креативности мастеров публичных наставлений (Р. 232), которые не преминут проиллюстрировать сюжеты «духовного характера» цитатами из популярных музыкальных композиций и не брезгают импровизировать в жанре *fart jokes*. В этой связи, конечно, возникает вопрос: чем обусловлено такое различие между актуальной культурой проповеди и ее метакультурой (т.е. тем монологическим образом проповеди, создаваемым в официальных репрезентациях), причем проводимое и религиозными и политиче-

скими авторитетами, и «народом»? Важный для всей книги вывод из рассказанной Милли истории заключается в том, что полифония необязательно требует низвержения доминирующей власти. В данном случае монологический образ проповеди и спускается «сверху», и поддерживается «снизу», что демонстрирует общее для яванского общества желание сохранить ислам как сферу, отделенную от обыденного и мирского. По остроумному замечанию антрополога Томаса Кирша [Kirsch 2010: 107], актуальному и для обсуждаемого сюжета, и для всего рецензируемого сборника, люди сами могут нуждаться в монолитных истинах и моновокальности, искать их и даже требовать.

Как мы видим, ориентируясь на теоретическую позицию Бахтина, большинство авторов сборника рассматривают диалог (и монолог как одну из его вариаций) в собственно функциональном, а не в формальном ключе. Статья Дзейна Гебеля представляет менее типичный сценарий. Гебель обращается непосредственно к структуре диалогического взаимодействия — в фокусе оказывается микроуровень коммуникации в рамках встречи районного женского комитета в Семаранге (снова о. Ява, Индонезия). Конструирование единогласия, как показывает автор, происходит не только на референциальном уровне, когда в текущей реплике обнаруживаются содержательные отсылки (прямые повторы, косвенная речь) к репликам других коммуникантов, но и при помощи разнообразных семиотических ресурсов, таких как копирование темпа речи и ее громкости, произношения, а также переключения кодов. Таким образом, замечание одной из дискуссантов книги Кристи ван Флеет о метафорах «голоса» и «слов», выступающих как связующее звено между формальным и функциональным пониманием диалога (Р. 163), кажется особенно удачным применительно к случаю, рассмотренному в статье Гебеля, где голоса обретают реальное, а не только метафорическое звучание.

Проблема авторитета, а также то, каким образом авторитет поощряет монологические и диалогические тенденции, — вот что преимущественно волнует авторов сборника, хотя в книге и ставятся вопросы более отвлеченные и, если угодно, схоластические. Скажем, какими свойствами должен обладать диалог, чтобы быть достойным такового названия? Один из ответов предлагает Грег Урбан, разграничивая понятия копии (*copying*) и отклика (*response*) и определяя необходимый минимум диалога через некое содержательное приращение. Урбан приводит в пример известный эпизод из фильма «Монти Пайтон: Жизнь Брайана», в ходе которого главный герой, Брайан, обращается к толпе, желающей следовать за ним как за учителем, со словами: «Вы все не так поняли, не нужно вам за мной следовать...

вы должны думать сами, вы все личности, вы все разные!» На что толпа в унисон восклицает: «Да, мы все личности! Да, мы все разные!», кроме единственного оригинала, который замечает: «А я нет, я как все»¹. Комичность ситуации заключается в двойном несоответствии формы и содержания. С одной стороны, диалог между Брайаном и внимающей толпой является таковым по формальным характеристикам, однако народ лишь в точности и бездумно копирует реплики своего пророка (пусть эти реплики и утверждают уникальность каждой личности), а не реагирует на них, добавляя нечто новое и самостоятельное к конструируемому в рамках взаимодействия смыслу. При этом в картине появляется одиночка, который посчитал нужным подать отличный от унивокального экстаза солидарности голос, тем самым наконец обострив диалогическое измерение. Однако содержание его реплики отсылает ровно к обратному — к тому, что он не особенный, а самый что ни на есть обыкновенный, как все. Дискуссант Дон Кулик предлагает жесткую, но вполне убедительную критику ключевой для рассуждения дихотомии *копии* и *отклика*, пеняя Урбану на увлеченность абстрактными разграничениями, с трудом различимыми ближе к земле, в повседневных ситуациях взаимодействия. Между тем вопрос о том, чем должен быть диалог, чтобы не считаться монологом в конкретных культурах и социальных контекстах, мне видится одним из ключевых для рецензируемого сборника, и удивительно, что ему уделено здесь не так много места. Иначе говоря, трудно представить себе плодотворное изучение языковых идеологий монологизма без аналогичного внимания к идеологиям диалогизма, т.е. требованиям, которые предъявляются к диалогу и монологу «на местах», а не только в рассуждениях ученых.

Такие требования зачастую носят морально-этический характер, который никак не осмыслен в рамках сборника, в связи с чем мне бы хотелось поделиться собственными размышлениями на этот счет. Как замечают апологеты диалогической антропологии Брюс Маннгейм и Деннис Тедлок, диалог приобретает этические обертоны еще в рассуждениях Бахтина, в которых собственно диалогическое поощрение множественности голосов противопоставлено авторитарности монологических текстов и первое безусловно считается «этичнее» последнего. Позже понятие диалогического станет основой и знаменем влиятельной антропологической программы 1980-х гг. «Writing Culture». Для

¹ На полях хочу отметить, что тот же эпизод используют Стеф Ауперс и Дик Хаутман, чтобы проиллюстрировать самопровозглашенную личную уникальность среди представителей Нью Эйдж культуры, по факту демонстрирующих в своих практиках удивительное однообразие [Aupers, Houtman 2006: 210–211].

последней признание того, что этнографический материал и научное знание порождаются в диалоге с изучаемым (уже не объектом, а субъектом), представлялось важным этическим действием и высказыванием [Mannheim, Tedlock 1995: 4].

Моральное измерение языковых идеологий диалогизма / монологизма может лежать в плоскости так называемой обыденной этики (*ordinary ethics*), встроенной в процессы повседневной интеракции [Lambek 2010]. Голоса, отсылающие к различным системам ценностей, могут быть также обнаружены и в нарративных практиках, как это, например, делает антрополог Джейн Хилл, рассматривая рассказ Дона Габриэля об убийстве его сына [Hill 1995]. Такой аналитический ход можно усложнить, если поставить под вопрос не только различные этические позиции, встроенные в диалог (или коммуникацию) и монолог (или нарратив), но и собственно то, каким образом представления о самих понятиях монолога и диалога получают этический заряд. Здесь в качестве этнографического примера мне приходит на ум широко цитируемое в селф-хелп литературе и психологических блогах высказывание американского архитектора Джеффа Дейли «Два монолога еще не диалог», которое в последние годы стало популярным метапрагматическим лозунгом. Языковые идеологии психотерапевтической культуры, стоящие за данным убеждением, возводят эмпатию, умение слушать, отслеживание эмоциональных микрореакций партнера по взаимодействию в разряд добродетели, наполняя «диалог» и «монолог» этическим содержанием.

Сегодня тот же этический императив становится основой для «навыков общения» (*people skills*), столь востребованных в корпоративной культуре [Illouz 2008: 88–95]. Эффективность, общительность, лидерские качества зачастую морализируются через понятия «диалога» и «коммуникации»¹, а монологические стратегии власти и управления определяются как неубедительные. И если вспомнить о том, что конструирование авторитета через монолог (и диалог) — лейтмотив данного сборника, расширение этой исследовательской перспективы за счет фокусировки на локальном осмыслении оснований диалога и его этической подоплеки видится мне продуктивным решением и заделом на последующую разработку темы.

* * *

Мой личный интерес к рецензируемой книге происходил из желания разобраться, каким образом идеи М.М. Бахтина вклю-

¹ См. об этом, например, в статье Сьюзан Козн о концепте «коммуникации» в партисипативном менеджменте: [Cohen 2015].

чаются в современные западные антропологические работы. Мне повезло столкнуться с уникальным примером такого осмысления его наследия — с попыткой остановить процесс «демонизации» монолога, начавшийся во многом благодаря рецепции теории диалогизма Бахтина в антропологии 1980-х гг. и впоследствии.

Исследователи, предоставившие свои статьи для этого сборника, стремятся соотнести концепции Бахтина и его кружка (уни-тарный язык, полифония, монолог, внутренняя речь и т.д.) с другими антропологическими моделями. Пожалуй, стоит признать это предприятие успешным. Понятия диалогизма и полифонии неплохо укладываются в рамки теории метакультуры и метакультурного комментирования¹ и в то же время гармонируют со «структурой участия» (*participation framework*) и драматургическими метафорами *сцены* и *закулисья* Ирвинга Гофмана. Монолог же, в свою очередь, любопытным образом сопрягается одним из антропологов, Джейн Гудман, с дюркгеймианским понятием «коллективного возбуждения» (*effervescence collective*), создающим ситуацию единогласия, а также многими авторами признается удачно вписывающимся в широкий круг проблематик, связанных с феноменом публичного (*publics / counterpublics*). Любопытной кажется и попытка сопряжения концепций Бахтина с микроанализом коммуникативных практик, создающих согласованность перспектив участников.

При этом трудно не задаться вопросом, а не является ли «Монологическое воображение» лишь единичным аналитическим упражнением, хоть и безусловно серьезным и вдумчивым? Исследования повседневной микрополитики, авторитарных речевых жанров в религиозных и националистических контекстах проводятся давно и весьма успешно вне системы координат «монолог — диалог», в том числе самими авторами сборника. Как кажется, в рассмотренном случае исследователи не столько продолжают дело Бахтина и вписываются в его программу, сколько вдохновляются предложенным Бахтиным теоретическим аппаратом, метафоризируют его понятия и видят в данном проекте хорошую возможность порассуждать о привычных для антрополога проблемах в новых терминах². Может ли бахтинский язык описания действительно способствовать разведению

¹ Ссылки на соответствующую монографию Грегга Урбана [Urban 2001] в сборнике многочисленны, что неудивительно, если вспомнить, что Урбан руководил диссертациями Мэтта Томлинсона, одного из составителей сборника, и Кристины Виртц, одного из его авторов, да и вообще для лингвистической антропологии, представленной в университетах Чикаго, Мичигана, Пенсильвании, Брандейса, работы Урбана входят в обязательный круг чтения.

² Показательно в этой связи, что статья Джейн Гудман уже была опубликована с тем же названием, однако без ссылок на М.М. Бахтина [Goodman 2013].

рамок изучения указанных социальных феноменов и высвечиванию до сих пор игнорируемых нюансов? Этот вопрос я оставляю открытым.

Так или иначе, авторы монографии убедительно и артистично показывают, что там, где мы наблюдаем монолог, скорее всего, под его маской прячется диалог. Верно и обратное. Судя по всему, монолог и диалог не могут существовать друг без друга — ни в этнографической реальности, ни в аналитических рассуждениях антропологов. Поэтому неудивительно, что на обложку книги помещен образ Мао Цзэдуна. Пусть расцветают сто цветов, но у этого умиротворяющего цветения могут быть специфические последствия.

Библиография

- Aupers S., Houtman D.* Beyond the Spiritual Supermarket: The Social and Public Significance of New Age Spirituality // *Journal of Contemporary Religion*. 2006. Vol. 21. No. 2. P. 201–222. doi: 10.1080/13537900600655894.
- Axel B.K.* Poverty of the Imagination // *Anthropological Quarterly*. 2003. Vol. 76. No. 1. P. 111–133. doi: 10.1353/anq.2003.0002.
- Bakhtin M.* The Dialogic Imagination: Four Essays / Ed. by M. Holquist; transl. by C. Emerson. Austin, TX: University of Texas Press, 1981. XXXIV+444 p.
- Bauman R., Briggs Ch.L.* Poetics and Performance as Critical Perspectives on Language and Social Life // *Annual Review of Anthropology*. 1990. Vol. 19. P. 59–88. doi: 10.1146/annurev.an.19.100190.000423.
- Cohen S.* The New Communication Order: Management, Language, and Morality in a Multinational Corporation // *American Ethnologist*. 2015. Vol. 42. No. 2. P. 324–339. doi: 10.1111/amet.12133.
- Goodman J.E.* Acting with One Voice: Producing Unanimism in Algerian Reformist Theater // *Comparative Studies in Society and History*. 2013. Vol. 55. No. 1. P. 167–197. doi: 10.1017/S001041751200062X.
- Handman C.* Critical Christianity: Translation and Denominational Conflict in Papua New Guinea. Oakland, CA: University of California Press, 2015. XIV+307 p.
- Hanks W.F.* Text and Textuality // *Annual Review of Anthropology*. 1989. Vol. 18. P. 95–127. doi: 10.1146/annurev.an.18.100189.000523.
- Hill J.* The Voices of Don Gabriel: Responsibility and Self in a Modern Mexicano Narrative // Tedlock D., Mannheim B. (eds.). *The Dialogic Emergence of Culture*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1995. P. 97–147.
- Holquist M.* *Dialogism: Bakhtin and His World*. 2nd ed. L.; N.Y.: Routledge, 2002. XIII+228 p.
- Illouz E.* *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2008. X+294 p.
- Irvine J.T., Gal S.* Language Ideology and Linguistic Differentiation // Kroskrity P.V. (ed.). *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe, NM: School of American Research, 2000. P. 35–83.

- Jakobson R.* From the Point of View of Linguistics [Reply in the Discussion in Claude Lévi-Strauss, Roman Jakobson, Carl F. Voegelin and Thomas A. Sebeok] // Results of the Conference of Anthropologists and Linguists. Baltimore, MD: Waverly Press, 1953. P. 11–21. (Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics. Memoir 8).
- Kirsch T.G.* From the Spirit's Point of View: Ethnography, Total Truth and Speakership // Zenker O., Kumoll K. (eds.). Beyond Writing Culture: Current Intersections of Epistemologies and Representational Practices. N.Y.: Berghahn Books, 2010. P. 89–112.
- Lambek M.* Introduction // Lambek M. (ed.). Ordinary Ethics: Anthropology, Language, and Action. N.Y.: Fordham University Press, 2010. P. 1–36.
- Mannheim B., Tedlock D.* Introduction // Tedlock D., Mannheim B. (eds.). The Dialogic Emergence of Culture. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1995. P. 1–32.
- Mannheim B., Van Vleet K.* The Dialogics of Southern Quechua Narrative // American Anthropologist. 1998. Vol. 100. No. 2. P. 326–346. doi: 10.1525/aa.1998.100.2.326.
- Silverstein M., Urban G.* (eds.). Natural Histories of Discourse. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1996. IX+362 p.
- Sneath D., Holbraad M., Pedersen M.A.* Technologies of the Imagination: An Introduction // Ethnos. 2009. Vol. 74. No. 1. P. 5–30. doi: 10.1080/00141840902751147.
- Taylor C.* Modern Social Imaginaries. Durham, NC; L.: Duke University Press, 2004. XI+215 p.
- Urban G.* Metaculture: How Culture Moves through the World. Minneapolis, MN; L.: University of Minnesota Press, 2001. XVIII+315 p.

Екатерина Хонинева

A Review of Matt Tomlinson, Julian Millie (eds.), *The Monologic Imagination*. Oxford: Oxford University Press, 2017, X+272 pp.

Ekaterina Khonineva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
ekhonineva@eu.spb.ru

Due to the influence of Mikhail Bakhtin on the Western anthropology of the last decades, researchers focused their attention on polyphony and the dialogic bases of social life that resulted in a neglect of monologic speech forms and practices. Meanwhile, in many political and religious cultures, monologic genres attribute to some value; the authors of the reviewed collection of articles suggest not to ignore

this fact. In the outlined studies based on observations in various ethnographic contexts, the monologue is seen as a special language ideology, a category of social imagination, a speech genre, and a metaphor. The book also aims to recall, once again, the dialogic dimension of monologic practices and connect them to other relevant anthropological concepts and theories. This project should be recognized as successful and unique in its design, but it seems that the authors are inspired by Bakhtin's language and see in it a significant opportunity to reflect on the usual anthropological problems of social control, resistance, community formations in new terms rather than continuing Bakhtin's work and fitting into his analytical program.

Keywords: monologue, dialogic imagination, Mikhail Bakhtin, language ideologies, religious and political power.

References

- Aupers S., Houtman D., 'Beyond the Spiritual Supermarket: The Social and Public Significance of New Age Spirituality', *Journal of Contemporary Religion*, 2006, vol. 21, no. 2, pp. 201–222. doi: 10.1080/13537900600655894.
- Axel B. K., 'Poverty of the Imagination', *Anthropological Quarterly*, 2003, vol. 76, no. 1, pp. 111–133. doi: 10.1353/anq.2003.0002.
- Bakhtin M., *The Dialogic Imagination: Four Essays*, ed. by M. Holquist; transl. by C. Emerson. Austin, TX: University of Texas Press, 1981, XXXIV+444 pp.
- Bauman R., Briggs Ch. L., 'Poetics and Performance as Critical Perspectives on Language and Social Life', *Annual Review of Anthropology*, 1990, vol. 19, pp. 59–88. doi: 10.1146/annurev.an.19.100190.000423.
- Cohen S., 'The New Communication Order: Management, Language, and Morality in a Multinational Corporation', *American Ethnologist*, 2015, vol. 42, no. 2, pp. 324–339. doi: 10.1111/amet.12133.
- Goodman J. E., 'Acting with One Voice: Producing Unanimism in Algerian Reformist Theater', *Comparative Studies in Society and History*, 2013, vol. 55, no. 1, pp. 167–197. doi: 10.1017/S001041751200062X.
- Handman C., *Critical Christianity: Translation and Denominational Conflict in Papua New Guinea*. Oakland, CA: University of California Press, 2015, XIV+307 pp.
- Hanks W. F., 'Text and Textuality', *Annual Review of Anthropology*, 1989, vol. 18, pp. 95–127. doi: 10.1146/annurev.an.18.100189.000523.
- Hill J., 'The Voices of Don Gabriel: Responsibility and Self in a Modern Mexican Narrative', Tedlock D., Mannheim B. (eds.), *The Dialogic Emergence of Culture*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1995, pp. 97–147.
- Holquist M., *Dialogism: Bakhtin and His World*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2002, XIII+228 pp.
- Illouz E., *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2008, X+294 pp.

- Irvine J. T., Gal S., 'Language Ideology and Linguistic Differentiation', Kroskity P. V. (ed.), *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe, NM: School of American Research, 2000, pp. 35–83.
- Jakobson R., 'From the Point of View of Linguistics [Reply in the Discussion in Claude Lévi-Strauss, Roman Jakobson, Carl F. Voegelin and Thomas A. Sebeok]', *Results of the Conference of Anthropologists and Linguists*. Baltimore, MD: Waverly Press, 1953, pp. 11–21. (*Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics*, memoir 8).
- Kirsch T. G., 'From the Spirit's Point of View: Ethnography, Total Truth and Speakership', Zenker O., Kumoll K. (eds.), *Beyond Writing Culture: Current Intersections of Epistemologies and Representational Practices*. New York: Berghahn Books, 2010, pp. 89–112.
- Lambek M., 'Introduction', Lambek M. (ed.), *Ordinary Ethics: Anthropology, Language, and Action*. New York: Fordham University Press, 2010, pp. 1–36.
- Mannheim B., Tedlock D., 'Introduction', Tedlock D., Mannheim B. (eds.), *The Dialogic Emergence of Culture*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1995, pp. 1–32.
- Mannheim B., Van Vleet K., 'The Dialogics of Southern Quechua Narrative', *American Anthropologist*, 1998, vol. 100, no. 2, pp. 326–346. doi: 10.1525/aa.1998.100.2.326.
- Silverstein M., Urban G. (eds.), *Natural Histories of Discourse*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1996, IX+362 pp.
- Sneath D., Holbraad M., Pedersen M. A., 'Technologies of the Imagination: An Introduction', *Ethnos*, 2009, vol. 74, no. 1, pp. 5–30. doi: 10.1080/00141840902751147.
- Taylor C., *Modern Social Imaginaries*. Durham, NC; London: Duke University Press, 2004, XI+215 pp.
- Urban G., *Metaculture: How Culture Moves through the World*. Minneapolis, MN; London: University of Minnesota Press, 2001, XVIII+315 pp.